

Летучий голландец свободы

Событие, которое произошло наемдни в областной Некрасовской библиотеке, имеет самое непосредственное отношение к судьбам «Северного края» — презентация книги московских историков Алексея Лубкова и Ирины Кузьминой об одном из зачинателей «первопечатников» нашей газеты «Князь Шаховской», выпущенной в знаменитой серии «ЖЗЛ». Один из авторов новинки — доктор исторических наук, проректор столичного педуниверситета Алексей Владимирович Лубков — стал гостем Ярославля. С ним встретился наш корреспондент.

ЗОВ ПРЕДКОВ

— По ходу дискуссии в Некрасовке нетрудно было догадаться, что вы в наших краях человек не посторонний. Это так?

— Хочу сразу поблагодарить моих коллег, профессоров педуниверситета имени Ушинского Любовь Архипову и проректора Михаила Новикова за помощь в подборке ярославских материалов для монографии. Её жанр обязывал нас строго документировать факты и суждения. По разбитым просёлкам мы с Михаилом Васильевичем объехали места, связанные с памятью о князе Шаховском. Корни его родословного древа — здесь. Он потомок ярославской княжеской ветви Рюриковичей, и ваша газета в последние годы не раз об этом писала.

— Логично будет напомнить читателям, как «земский князь» и «летучий голландец свободы» — так называли его друзья — оказался в штате редакции газеты «Северный край».

— Тут такая история. Его отец, генерал от кавалерии, был крупным землевладельцем. В Угличском — Углицком, как тогда говорили, Пошехонском, Ярославском уездах имел он примерно 3700 десятин земли. Генералом был «служивым», хозяйством занимался мало, дохода оно почти не приносило. Угодья не раз выставлялись на торги, бывали заложены и перезаложены в банках. К тому времени, когда после окончания в Санкт-Петербурге университета встал на ноги его сын Дмитрий, во владении у Шаховских и их ближайших родственников Щербатовых оставалось только имение Михайловское близ Ярославля. Дмитрий Иванович был деятельным и авторитетным земцем по соседству — в Весьегонске Тверской губернии. Когда стало известно, что Господь взял на небо управляющего имением — наследнику волей-неволей надо было ехать в Ярославль, дабы усадьба не заросла лопухами. Землю сын задешево распродал, оставил себе буквально «клочок» для избирательного ценза.

— Судя по всему, князь не чувствовал себя здесь неприветливым гостем?

— В Ярославле трудился он земским гласным с широчайшим кругом забот — прежде всего школьных. Он был убеждён, что раскрепощение народа должно пойти не через революцию, а через образование, от слова «образ», облик Господний. Но занимался-то он всеми насущными жизненными нуждами людей. Медициной, ремёслами, дорогами, библиотеками, страхованием. Земцы за свой труд денег не получали. Шаховской без громких слов понимал его как служение Отечеству и народу. При этом он ратовал за безвозмездное наделение земель крестьян безземельных и малоземельных, отстаивал их равенство перед законом с другими сословиями. За одно это «земский князь», не правда ли, заслуживает как минимум нашей благодарной памяти. А с зовом предков, думаю, у него тоже было всё в порядке. Доносился «зов» из Михайловского.

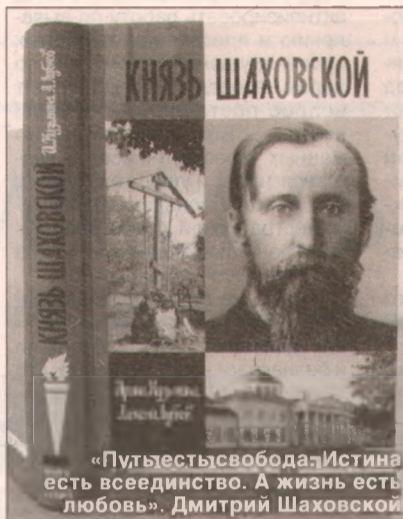

ФОТО АННЫ СОЛОВЬЕВОЙ

На красавице-дочке князя Щербатова был женат дед Дмитрий Иванович — декабрист Фёдор Шаховской. Основатель «Союза спасения» и «Союза благоденствия» не вышел на Сенатскую площадь — по убеждению. Бурно переболел радикализмом, поняв, что жизнь менять надо, не ломая её через колено, а попросту говоря, занимаясь добрыми делами. Поселился в своём нижегородском имении, раздал землю крестьянам. Всё же и он был арестован и как опасный инакомыслящий сослан в Сибирь на вечное поселение. Дни свои кончил трагически, в одиночке мрачной тюрьмы для «еретиков» и «сектантов» в Суздале: уморил себя голодом... Двоюродным дедом Дмитрия Ивановича был знаменитый волюнтер и религиозный философ Пётр Чаадаев. Он первым сказал, что Россию направляет Божье провидение, заговорил о том свойстве русского национального характера, какой Достоевский на открытии опекушинского памятника Пушкину назовет «всемирной отзывчивостью души». Письма Чаадаева соредактор «Северного края» хранил дома в шифоньерке. Его портрет висел в гостиной ярославской квартиры Шаховских. В советские времена наш герой собрал по дальним углам 150 неизвестных писем Чаадаева.

ВРЕМЯ БУРИ И НАТИСКА

— Интересно, что же всё-таки привело новосёла в «Северный край»?

— Он вёл в редакции земский отдел — и этим, наверное, всё сказано. Я нашёл у вас несколько толковых публикаций о том, какую соредакторы Фальк и Шаховской выпускали газету и что стало причиной её закрытия в 1905 году. Точно и образно пишет об этом в своей эмигрантской книге «Воспоминания» ученица и соратница Шаховского Ариадна Тыркова-Вильямс.

— Заметно, что вы в книге часто смотрите на своего героя её зорким взглядом. Очень вас в этом понимаем. Шаховской пришёл в «Северный край» в зрелом возрасте, под сорок, в расцвете сил. Худой, длинноногий, летящий, не ходил, «а летал, как журавль». Газета была, по словам Тырковой, «нервным центром местной оппозиции». Чувства часто брали верх над холодным рассудком. Не все были такими радикалами, как Фальк и Ша-

ховской, но общий клич «Долой самодержавие!» стал паролем газеты. Всех объединяло стремление к свободной, справедливой, достойной жизни. «Временем бури и натиска», имея в виду прежде всего собственную жизнь, называет Тыркова те годы.

— Тот «общий тон» давал о себе знать в обличительных корреспонденциях о местных беззакониях и безобразиях. Исправник нагло берёт взятки. В городском приюте детей морят голодом. Учитель гимназии является на уроки подшофе, и это ему сходит с рук, потому что женат он на дочери члена суда. Немудрено, что соратники были на дурном счету у губернатора Бориса Штурмера, словно это они были во всём виноваты.

— Им грезилась, — ещё сошлюсь на пронизательную Ариадну, — «сдвиги, а не катастрофы, ледоход, а не землетрясение». Это ведь и про Шаховского сказано?

— Конечно. Важно, что газета настраивала зрение подписчиков на перемены. Они умели читать между строк. Пример: Тыркова напечатала сказку для детей про глупого тюленя, безо всякого подтекста. А сказка имела большой успех, многие думали, что это — про губернатора. Цензура в ответ изо всех сил закручивала гайки. Почём зря черкала рукописи, причём этим занимался лично вице-губернатор.

— К слову, о цензуре. Както на семинаре в Москве довелось накоротке поговорить с одним из авторов нынешнего закона о печати — профессором МГУ Юрием Батуриным. Я спросил, кому принадлежит забойный пункт о том, что печать свободна, а цензура недопустима. Профессор немного подумал и сказал: «Вероятно, кадетам». Уж не перу ли Шаховского?

— Вы меня не на шутку озадачили. Да, Шаховской готовил документы в октябре 1905 года на первый съезд кадетов, или как ещё они себя называли, чтобы людям было понятней — «партия народной свободы». И на первой Госдуме, где он представлял Ярославскую губернию, через руки Шаховского проходил пакет законопроектов фракции о правах личности, в том числе и о свободе печати. Не забудем, сколько крови попортила цензура редакции «Северного края» и лично Шаховскому. Но более конкретного ответа на ваш вопрос ребром у меня пока нет.

ЧЕМ ОН ОБЯЗАН КОРОВНИКАМ?

— «Летучий голландец свободы» окончательно перебрался из Ярославля в Москву, кажется, в 1912 году. Кроме земства, «Северного края», депутатства в Думе, что ещё его связывало с Ярославлем?

— После роспуска первой Госдумы, напомним, было «Выборгское воззвание» двухсот депутатов, теперь уже бывших. Там были, например, такие слова: «Не давать ни копейки в казну, ни одного солдата в армию!» Как и другой думец от губернии — племянник поэта Некрасова Константин Фёдорович, Шаховской три месяца просидел в Коровниках. Позже, как ни странно, он не раз поминал ярославскую политкаталажку добрым словом.

— Это за что же такая честь?

— Дмитрий Иванович был во

Временном правительстве министром государственного призрения, социального обеспечения по-нашему, и это в советские времена, понятно, никаких благ ему не принесло, а даже совсем наоборот. А вот Коровники, как и Бутырку, непоколебимому либералу и патриоту «зачли», как видному политикаторжанину. Дали ему пенсию, правда, маленькую, разрешили работать в архивах. Республику Советов называл он не иначе, как «родным средневековым с зачатками XXI века». Старался быть полезным, занимался историей дворянских усадеб, Чаадаевым, декабристами, Пушкиным.

— От участи «врага народа», закоренелого недруга большевиков, критика их суровой нетерпимости, мы знаем, Шаховского ничто не спасло.

— Его пытался защитить старый друг и соратник ещё по литературно-историческому обществу в университете, по удивительному «приютинскому братству», создателю учения о биосфере Владимир Вернадский. Никто из «приютинцев» после революции не стал эмигрантом — тут особая большая тема. В своём письме в «органы» академик писал, что Шаховской — «один из замечательных людей нашего времени». Не помогло. Князя расстреляли по 58-й статье на полигоне НКВД в Бутове или, может быть, на другом, в Коммунарке.

ВНУКИ ПОШЛИ В ДЕДА

— Традиции классического либерализма «от Шаховского» живы в новой России?

— Увы, ни Гайдара, ни других инициаторов шоковых реформ к либералам лично я отнести никак не могу. С нынешними думцами и публицистами я Шаховского тоже не сравниваю. Мы просто показали в книге, на кого равняться. Этот человек никогда не кривил душой. Умел ладить с людьми, находить к ним подход. Он был собиратель прогрессивных сил, делатель истории, истинно русский человек. Его жизненный путь был неизменно направлен, как он говорил, к самому себе.

— Недавно «Северный край» навести внуки Дмитрия Ивановича. Презентовали главному редактору вашу, Алексей Владимирович, книгу с автографами — «пожеланием процветания газете». Я её на всякий случай захватил. Посмотрим вместе, чьи автографы?

— Один из них — Дмитрия Михайловича Шаховского. Это очень известный скульптор. По его проекту построен в Бутове храм Новомучеников и Исповедников Земли Русской. Его сестра Елизавета Михайловна-Шик, воспитанница геологического института — хранительница архива деда. В свои преклонные года увлечённо занимается историей рода. Часть архива, фотографии она любезно предоставила нам для книги. Мария Михайловна Старостенкова-Шик — старшая внучка, закончила биофак нашего института, ученица первого его ректора Владимира Вернадского.

— Есть ещё один автограф — Сергея Михайловича Шика...

— Я его меньше знаю. Скорее всего, это внук, который живёт в Крыму. Смело могу сказать обо всех четверых: пошли в деда, один патриоты и подвижники земли русской. Если доведётся писать продолжение книги «Князь Шаховской», постараюсь убедить в этом читателей.

Беседовал
Юлиан НАДЕЖДИН.